

Андрей Кайгородов

*Житие
грешника*

Андрей Кайгородов

Житие грешника

«Издательские решения»

Кайгородов А.

Житие грешника / А. Кайгородов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748367-8

Житие грешника» — первый роман автора. Произведение было написано в 2001 г. Это роман о молодом писателе, который полон разных идей. Ник, главный герой романа, приводит в дом бомжиху, для того, чтобы сначала описать непростую историю ее жизни. Пока писатель пишет этот роман, женщина, словно пленница, живет в его квартире. В конце своего повествования Ник задумывает убить женщину, отнять у нее вновь приобретенные надежду, веру и жизнь. Что из этого выйдет, вы узнаете, дочитав роман до конца.

ISBN 978-5-44-748367-8

© Кайгородов А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Житие грешника

Андрей Кайгородов

«Вынашивать боль, словно человеческий плод, внутри себя и в один прекрасный день разродиться истерическим помешательством. Черной жабой – печалью, люттой змеей – ненавистью ко всему человечеству, ко всему живому и мертвому, к самому себе – это ли не счастье в зените и выше его только Бог»

© Андрей Кайгородов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

В сквозных отверстиях времени. Отпечатанные мысли, скользкие, как весла, черпающие безбрежные потоки памяти, потрескавшейся от сухости свежих эмоций, порожденных окаменелостью будней, воздержанием поступков, всплесками раздражения, отчаяния и одиночества.

– Принимай, сегодня прямо кровь с молоком.

– Кого там опять нелегкая?

Два санитары внесли носилки с трупом, накрытым с головой пропитанной грязью и кровью тряпкой.

– Куда ее? – спросил здоровый рыжий детина, стоящий впереди.

– Молодуха, что ли? – вглядываясь в липкие складки покрывала, не вынимая изо рта сигарету, полюбопытствовал сторож.

– Целка стопроцентная, свежатиная, – донеслось из-за спины рыжего бугая.

– Хорош трепаться, успеешь еще, наглядишься. Куда ее выкладывать?

– Как обычно, вон, на бетонный топчанчик. Врач только утром будет, так что пусть пока полежит, отдохнет.

– Мне по хрен, пусть дожидается, я – домой, ты едешь? – обращаясь к напарнику, спросил Рыжий.

– Да я, пожалуй, задержусь, мы тут со сторожем покалякаем, – холодным прищуром гаденьких глаз улыбнулся тщедушный санитариска, плохо скрывая мелкую дрожь возбуждения.

– Ну, хрен с вами, сидите, я пошел.

Дверь хлопнула, провожая большого рыжего санитары от греха подальше. Дверь хлопнула и большая черная мышеловка, словно питон, проглотила двух серых крыс и приготовилась к перевариванию.

– Тебя как звать-то, покойное секюрити? – паутиным жалом возводя мосты, плюнул санитар.

– Савелий, – нехотя пробурчал сторож.

– Ну что ж, Савелий. Савелий – это что-то типа Сава. Превосходно, ты, Сава, случаем не меценат, не Мамонтов?

– Сам ты Мамонтов.

– Да ладно, брось, давай лучше выпьем, а потом экспонатик проанализируем.

– Ну что ж, давай выпьем, – охотно согласился сторож.

Юноша с лицом сорокалетнего мужчины, невысок ростом, худой и сморщенный, как член после купания, пряча свой пугливый взгляд, озираясь по сторонам, достал из-за пазухи бутылку водки.

– Давай тару, – весело взвизгнул он, вгрызаясь коралловым ожерельем челюстей в бутылочную пробку.

Трясущимися от предчувствия сладостных минут руками разлил содержимое стеклянной посуды в две железные посуды, не дожидаясь реплик со стороны соседа, и не выдвигая собственных тостов, заглотив все содержимое кружки залпом, словно мучаемый жаждой странник. Вытер ладонью расплескавшуюся по подбородку жидкость и закурил. Сторож, тоже ничего не говоря, осушил содержимое кружки, оторвал мягкую хлебную плоть от буханки, понюхал ее и принялся скатывать шарик.

– Пойдем, взглянем, что ли, на покойную? Уж больно хороша.

– А кто она такая, есть документы? – катая хлебный шарик во рту, спросил сторож.

– Не бойсь, она у тебя тут задержится, покуда не опознает кто. А опознать ее, скажу я тебе, брат, вряд ли удастся, серьезно ушиблась девка. Мордашка в всмятку, как яйцо.

– Как это?

– Как-как, яйцо в всмятку когда-нибудь ел? Ну вот – растеклось по асфальту, а, как известно, шалтая-болтая, болтая-шалтая не может собрать вся королевская конница и вся королевская рать. В общем, как-то так, понял?

– Как старик корову донял, – огрызнулся сторож.

– Одно меня смущает – один башмак у нее на ноге был, а вот другой слетел.

– К чему это? – разжевывая хлебный шарик, спросил сторож.

– А к тому, что примета есть – если из обуви выпал, когда тебя машина собьет, то все, пишите письма, записывайся в жмурики, ну а если остался в обуви – то, считай, родился в рубашке, еще поживешь.

– Ну?

– Что – ну? Эта-то, после того как ее машиной переехало, по башмакам наполовину дохлая выходит. Пойдем, глянем.

Грязная простынь коснулась пола, обнажая покалеченную сдобную плоть. Слюни текли по подбородкам возбужденных гиен. Сладкий десерт после горького чая.

– Раздеть бы ее надо, – тонкими нитями натянутых губ пробормотал санитар.

Сторож молча, без лишней суеты, стащил с трупа изодранные лохмотья. Волнующая, оголенная, словно зачищенный провод, плоть молодого тела привела санитаря в трепет.

– Ты чего дрожишь, в первый раз, что ли? – ухмыльнулся сторож.

– Да не жарко здесь, надо сказать, замерз слегка.

– А ты погладь ее и сразу согреешься, да небось, ей уж все равно, давай не робей.

Дрожащая рука санитаря робко легла на бархатистую гладь девичьей кожи.

– Ты бы вышел, что ли, а то как-то неудобно, – отводя взгляд от сторожа, промямлил санитар.

– А ежели она тебя укусит, что потом прикажешь с тобой делать? А так, глядишь, подсоблю тебе, выручу из лап смерти. А то, ведь, сам говоришь, один башмак здесь, другой – там.

– Ну, ты, это, – стыдливо поправляя рукой в штанах результат своего возбуждения, – ну, отвернись, хоть, что ли.

– А ты не бойсья, что она по ночам приходить станет в одном башмаке? – не унимался захмелевший сторож.

– Да хрен на тебя, – санитар пошире раздвинул покрытые синяками ноги девушки. Растрепав руками все еще теплую влажную промежность, он взобрался на труп, вонзил свою кривую пиписку в остывающую тушку и тут же вынул, расплескав кипящее семя по ледяной поверхности бетонного пола.

– Силен, брат! Однако, ты перевозбудился, чего ж тебя трясет-то всего, бедолага? А вот пол ты зря испачкал, мог бы и в нее кончить, ей сейчас предохраняться не от чего, да и не для чего.

Со спущенными штанами, опавшим членом, спрятавшимся в бурной растительности, трясясь всем телом, словно кленовый листик, стоял санитар, борясь с подкатившей к горлу тошнотой. Вязкая слюна текла из открытого рта и плюхалась на забрызганный спермой пол. Санитар почувствовал резкий толчок в области живота, и в этот же момент его вырвало.

– Да ты че, урод? – сторож сунул санитару в трясущиеся руки резиновый шланг и включил воду, – смывай, донжуан хренов.

После влажной уборки помещения, умывшись, санитар, словно сомнамбула, отправился спать на указанное сторожем место.

– Теперь моя очередь, – оставшись один, склонившись над трупом, сказал сторож, присев на стул.

Мир был погружен во мрак.

– Странно то, что все уже кончилось, семя брошено в пустынную почву, а я лечу, подобно бешеному харчку, сорвавшемуся с потресканных губ небесной пустоты. Отвратительнее всего, что мгновение невозможно остановить, что как только задумался, а все уже в прошлом. Первый год. Нулевой уже высох как жаба и только мы его и видели. Интересная вещь воспоминания, они всегда сейчас, но только они материализуются в некую форму, например слова, так сразу становятся прошлым и переходят в разряд из воспоминаний в воспоминания воспоминаний. Странная штука... человеку свойственно меняться временами, утром он один, днем его два, а к ночи он маньяк, насильник, порнографист. К ночи одни становятся жилетом, а другие слезами. Я круглые сутки все это ношу в себе, приятно мало, но таков уклад моего бытия. И этой ночью тебе придется стать тем жилетом, милая, бедная девочка, в который моя отравленная душонка будет лить горькие слезы, слезы отчаяния и боли. Ты думаешь, что я животное? Нет же, совсем нет. И у меня было детство, ничем не отличающееся от твоего – пряник и кнут, и я был молод и любил.

Мне о многом нужно сказать тебе. Дело в том, что душу мою, и без того больную, разодрали на части в буквальном смысле слова. И на каждой кровотокающей частичке потоптались ногами. А у лжи и лицемерия, признаюсь тебе, острые каблучки со свинцовыми набойками и каждая в девять граммов весом. Какая же это чудовищная боль, я не мог себе представить, что есть на свете что-то похожее на эту страшную, адскую боль, которая пронизывает всего тебя без остатка. Все внутренности, весь твой мир подвергается ужасному землетрясению, разрушению и неизбежной гибели.

Влажной, большой ладонью сторож размазал по лицу соленые реки слез, натужно опорожнил нос, сбросив привычным движением липкие сопли своей слабости на бетонный пол морга. Затем включил воду, взял шланг и принялся смывать следы преступления с липких от спермы и крови ляжек и промежности трупа. При этом продолжая копать, словно патологоанатом в кишках, в своих воспоминаниях.

– Я вспоминаю ее нежное тело, жаркие, сладкие губы, вздымающуюся от возбуждения прекрасную грудь. О, ее грудь! Ничего прекраснее на свете я не видел. Что же дальше, как же жить? Разве только слабые люди могут любить? Или это не любовь, а обиженное самолюбие, и все мои слезы только бред, бред больного и брошенного на произвол судьбы человека? Она не воротится назад, и ты это знаешь. Сейчас ты не можешь все это воспринять, и только бередишь еще не зажившую рану, но, может быть, наступит момент, когда ты поймешь, осознаешь своим растоптанным сердцем, что сделать ничего нельзя, и твоя любовь только унижает тебя и наполняет презрением ее глаза. Тебе стреляют в сердце, потом делают контрольный выстрел в голову, а ты все просишь о любви и милосердии. Подумай. Я не могу думать, не могу ни с кем поделиться кроме ВАС – покойников. Я и устроился сюда, затем чтобы было с кем поговорить. Еще один существенный момент, с тех самых пор у меня не было ни одной живой женщины. Признаться честно, я ненавижу ваше отродье, лживое, похотливое и изворотливое. Но ты не такая, потому что дохлая, а все, что мне нужно от женщин, у тебя и таких как ты есть, и мне кажется, что если бы вам предложили эту процедуру, которую я с вами произвожу, каждая согласилась бы на последок перепахнуться. И меня все это положение вещей вполне устраивает, потому что... – сторож замялся, как бы размышляя, стоит доверять этому трупу свою тайну или нет, но все же набрался смелости, подумав, что этот труп ничем не лучше и не хуже всех остальных. – ...я не могу с живыми, у меня не стоит на них, в таких ситуациях я всегда думаю только об одном, об их лживом, гнилом нутре, не могу ничего поделаться с собой. Быть может, убить себя – это я могу.

В этот момент труп девушки слегка пошевелился и издал еле слышный хрип.

Глава 2

Вряд ли все мои попытки свести счеты с жизнью были обдуманны мной заранее, до момента совершения. Скорее всего, это было нечто на вроде импульса, толчка, спровоцированного то недоброкачественной опухолью одиночества, то, как цунами, внезапно налетающим и разрушающим до основания мою нервную систему сексуальным голодом, а то и просто от осознания своей никчемности, которая выплескивалась из меня рвотными массами, когда я напивался до свинского состояния. Одно порождает другое, другое вливается в третье и вытекает в четвертое, а потом все переплетается в некий Гордеев узел, и в один прекрасный момент ты нащупываешь на своей жопе прыщ и осознаешь нечто такое, от чего уже не просто не хочется, а нет никакой возможности к дальнейшему существованию. И тут все происходит. Но здесь есть один, небольшой нюанс, для кого-то он значим, а кому-то кажется необоснованным.

Что ж, сначала про нюанс, а затем я попытаюсь его обосновать. Он заключается, как ни странно, в выборе самоубийства. Тут резонно возразить: при чем же здесь выбор, когда осталось сделать в этой жизни последний шаг, заключительный поступок и все – смерть, стоит ли задумываться об этом, когда – то уже смотрит пристально в твои широко раскрытые горящие очи? Мне кажется, здесь большую роль играет воспитание, традиции, обычаи. Ну а что, скажем, самурай не станет вешаться или топиться, а наш сельскохозяйственный житель вскрывать себе пузо кухонным ножом для разделки мяса – это же ясно, как белый день, разве только если обожрется самогонки да начнет из себя чертей изгонять, не самурай, конечно, хотя кто его, лучшего, разберет. Должно быть, и еще какие-то свойства человеческого характера играют свою роль в выборе средства последнего земного греха. Жизнь в этом лучшем из худших миров представляется мне деревом, сплошь изъеденным различными червячками, гусеницами, кородами и другим дерьмом, все эти твари – это наши грехи, а большие и маленькие зияющие раны на дереве – это последствия наших греховных дел. Не знаю уж, как там, в царстве мертвых, грешат или нет. Впрочем, должно быть, это зависит от того, куда тебе доведется попасть. Но если по ту сторону жизни грешат, то, наверное, только в раю, так как в аду мучаются за уже совершенные грехи, там, сдается мне, попросту некогда, да и невозможно грешить, вся вечность расписана по секундам, и никакой передышки.

Так вот, насчет этого самого выбора. Я всегда знал, что не буду вешаться или топиться. Застрелиться, в принципе, можно, но, опять же, сразу возникает ряд вопросов: 1) где взять оружие? 2) куда производить выстрел – в сердце или в голову? И третий: а нужно ли это делать? Третий, надо сказать, вообще универсальный вопрос, мне кажется, его надо задавать себе в любом случае перед тем как решил что-либо сделать.

А вообще-то, какая разница, в каком состоянии найдут твоё брэнное тело, дерьмом ли в брюках оно будет смердеть, от того что твой сфинктер, что называется, расслабился по причине удушья, наступившего с помощью веревки, провода, шнурка и т.д., или же выловят из стоячей воды зеленую разложившуюся тушку, с объединенным рыбками лицом. Либо же лопатами отскребут от асфальта, тебя это вряд ли станет заботить. Это когда ты живой, бывает противно вдыхать широко раскрытыми от ужаса и любопытства глазами мертвячую вонь. Это когда ты живой, легко тысячу раз умереть и воскреснуть вновь, для того чтобы закончить свое пребывание на этой грешной земле красиво и затем вдохнуть полной грудью эти жалостливые взгляды на твоих похоронах. Стройный ряд печальных лиц, венки, цветы, слезливые речи в твою честь, но все это лишь пока ты жив. Нужно обладать не только оригинальным воображением, но и увеистым презрением к роду человеческому, и к себе в том числе, чтобы завещать своё брэнное тело после смерти на пищу собакам, и пережить это, будучи живым.

Ему было двадцать с небольшим, когда его издающее хрипы тело нашли в бане. Провод стальными тисками, словно бешеный пес, мертвой хваткой глубоко врезался в его шею.

- К чему это? – спросил я, стоя у изголовья.
- Разве это то, что ты хотел спросить у меня?
- А что же?
- То-то и оно.
- И все же?

– Уже поздно, слишком, слишком поздно. И не стоит смотреть на меня так пристально долго, иначе я могу взглянуть на тебя и проникнуть за горизонт твоих глаз, теперь меня зовут смерть. Не стой здесь, посмотри, сколько народу, дай и другим вдохнуть этот щекочущий душу воздух, позволь и их душам содрогнуться, глядя на бледность пугающей вечности.

А я, погрязший в эстетических аспектах, так и не отважился на существование в отсутствии пространства и времени. Тяжелые оковы страха делают меня узником этой клетки, в которой с каждым годом становится все труднее дышать. Однако я предпринимал попытки разрезать ткань бытия и расплескаться кровавыми брызгами по спертому воздуху комнат, сломать эти стены и уничтожить этот мир, но лезвие было тупое, а ткань прочна и неподатлива, рука тряслась, а мозг разрывал черепную коробку, визжа, как токарный станок. И результат – загноившаяся корка и угрызение совести.

Я поцеловал его холодный лоб чисто автоматически, так делали все, все, кто пришел попрощаться с ним, проводить в дальнее плавание с билетом в один конец, который он разыграл в лотерее, именуемой жизнь. Осознание смерти всегда приходит задним числом, оно имеет что-то вроде инкубационного периода, который у всех протекает по-разному. Как бы я ни старался, мне не удастся ни понять, ни постигнуть смерть близких. Для меня это похоже на какое-то расставание, словно мы просто ездим в разных троллейбусах, судьба распорядится так, что мы не видимся и все. Но я верю в то, что этот человек где-то ходит, что-то говорит, кого-то любит, выпиливает лобзиком, сверлит дырки в стене, из-за которой каждый раз, как умолкает дрель, раздается протяжный вопль: «педераст гребаный», покупает туалетную бумагу, так как у задницы аллергия на газеты, и делает многое другое, но я этого не знаю, только и всего. Вряд ли сейчас удастся вспомнить первого покойника, на чье безжизненное лицо я взирал, затаив дыхание. Однако всякий последующий раз меня переполняли те же чувства, когда-то пробужденные во мне ликом смерти. Впервые, совсем еще неосознанно, я столкнулся со смертью, учась в начальной школе. Наш район был спроектирован на редкость компактно, все жизненно важные предприятия и организации находились практически в одном месте. Рядом с детским садом, с верандами на курьих ножках, огороженными забором, стояла обшарпанная, исписанная всевозможными словами из разряда ненормативной лексики, школа – здание доверенной постройки. Чуть далее от школы располагался роддом, а рядом с роддомом, сразу через дорогу от школы, бледно-серым пятном равнодушно взирал на окружающую действительность своими остекленевшими, наполовину покрашенными тенями для век глазами, морг – покрытая штукатурными язвами, страдающая сыпью и лишаями, приземистая, коренастая коробка из-под торта. Архитектура этого дома как нельзя лучше соответствовала той функциональной деятельности, которую нес в своей утробе этот перевалочный пункт, упокоившихся с миром и без оно. От одного взгляда этого серого чудовища, этого мавзолея со сменными телами, веяло могильным холодом.

Всякий раз на переменах из своих классных комнат мы наблюдали за обнаженными, распластанными на бетонных кушетках, такими же бледно-серыми как, это здание, посетителями этого мрачного заведения. Там были не только мужчины, но и женщины. Только потом мне кто-то сказал, что у трупов нет пола. Я по большому счету не совсем согласен с этой вполне разумной теорией. Если у живых есть половые признаки и по ним мы делаем заключение, не углубляясь в области психики, то у мертвецов члены не отваливаются и влагища не зарас-

тают, и, более того, если в первом случае способность функционировать утрачена, то во втором – ничуть, что вполне может случиться у человека живого. Но если мы полезем в дебри психической науки, тогда уж не только в мертвых, в ныне здравствующих нам будет трудно разобраться, где мужчина, а где женщина, а где – ни то и ни другое. И что из себя представляет женщина, а что не-женщина, и принадлежала ли Жанна Д'Арк к тем, кому принято дарить на восьмое марта цветы.

Глава 3

Комната, где стоял гроб, была не сказать чтобы маленькая, но стоявшие рядом с гробом стулья, на которых сидели скрюченные и дряблые, как высохшие морковки, родственники, завешанные разным тряпьем зеркала, духота и запах мертвого тела делали ее похожей на спичечный коробок, набитый тараканами. Все это погружало меня в тошнотворное состояние, близкое к обмороку, ощущение яблока, попавшего в соковыжималку, из которого вот-вот брызнет сок. Пока я стоял и смотрел на безжизненное, вылепленное из воска, такое неестественное, но в то же время красивое в своей сосредоточенности лицо моего одноклассника, мне вдруг вспомнился случай, произошедший со мной в детстве. Был праздник, люди, собравшись в парке, шумно и весело провожали зиму. Масса аттракционов, конкурсов, турниров была удобрена разгульным весельем, залихватским разнузданным пьянством, песнями и плясками под гармонь. Я, будучи еще совсем юным отроком, пугался столь бурных проявлений радости. Мне хотелось закрыть глаза и очутиться в теплой и мягкой постельке, и чтобы мама спела мою любимую песенку про ежика, а я бы заснул и сладко-сладко спал, а проснувшись от ароматного, наполняющего юную душу предчувствием праздника, запаха блинов, прибежал бы на кухню. А там уже в полном составе наше семейство, и мы бы все вместе сели за стол и стали пить чай с блинами. Вот какой праздник был мил моему сердцу в те годы, а не эти вакханалии, где пьяное братство и сестерство целуются и лапают друг друга, словно борцы какие, пьют и орут что есть мочи не пойми что. Ноги понесли меня от всей этой кутерьмы в тихую гавань, в укромный уголок, где нет этих пьяных рож и их глупого веселья. Этот парк не был похож на регулярный французский, строго геометрической планировки, украшенный фонтанами, скульптурами, дворцами, с расходящимися от них лучами аллеями. Было в нем что-то от английского пейзажного парка со свободной планировкой, мотивы природы, пугающие своей простотой, дополнялись руинами, которые, без всякого преувеличения, не назовешь романтическими. Скитаясь по пространству организованной растительности, я забрел в какое-то полуразрушенное здание и, от нечего делать, бродил по нему в поисках сам не знаю чего. И вдруг я наткнулся на нечто не по праздничному пугающее. Моему юному взору предстал во всей своей красе пейзаж смерти в духе критического реализма. Бытовая картина, великолепная трехмерная графика, чуть приглушенные пастельные тона. Центральное место в картине занимал мужчина лет сорока, одетый в синие штаны и светлую, заношенную до дыр рубашку, мирно висящий на бельевом шнуре, который, словно плющ, произрастающий из железной балки, обхватив бедолагу за шею, слился с ним в единое целое.

Человек висящий напоминал гирлянду, украшающую собой скучный интерьер загаженного помещения. Кричащие кирпичные стены, размалеванные непотребными письменами и рисунками, зачерствленное дерьмо млекопитающих, пустые бутылки и разный хлам равнодушно приветствовали меня, посетившего это мертвое царство. Я стоял как замороженный, впитывая каждой клеточкой своего организма смрадный запах смерти, наблюдая, как крохотный солнечный зайчик щиплет пух с безжизненного, мохнатого островка, что выглядывал словно весенняя проталина из-под расстегнутой на пузе рубашки покойника. Что-то непонятное наполняло мою душу, какое-то состояние оцепенения, порожденное страхом, и в тот же момент неизвестная мне сила притягивала, словно магнит, мой взгляд, заставляя проникать его за пределы этой картины, впитывать саму суть, которую невозможно выразить словами. Я был еще слишком мал и неподготовлен для осознания, понимания происходящего. Пониманием было мое чувствование, я словно губка впитал в себя это застывшее состояние, остановку времени, остановку жизни, холодное дыхание смерти, своим горячим детским сердечком. Уже потом, учась в школе, я практически каждый день любовался мертвыми телами, но это зрелище было сродни зоопарку или экскурсии в музей, где мертвые экспонаты имеют способность

вызвать у живых самые противоречивые чувства, но находятся они в ином жизненном пространстве, в иной системе координат. И только во сне эта тонкая прозрачная материя лопалась, граница стиралась и мертвецы из состояния экспонатов переходили в разряд злостных нарушителей моей нервной системы, посягающих на мое здоровье и жизнь. Но это происходило лишь во сне, а этот повешенный был реальнее любого другого живого человека, веселившегося на празднике весны. Между ним и мной не было ни барьеров, ни границ, в этой комнате встретились не просто мальчик с трупом, а нечто большее, нечто значительное – жизнь в своем лучезарном беззаботном цветении и благоухании повстречала смерть, которая пустила в ней корни, словно пророщенная в стаканчике с водой семечка соприкоснувшаяся с сырой землицей.

Этот мертвый самоубийца сделал то, что не удавалось до этого даже живым, он разорвал своим стальным оскалом небытия мою душу напополам. Впоследствии жизнь превратила эти две половинки в цветную мозаику, состоящую из душонок, в разбитый на множество частей сосуд, и это уже были заслуги живых.

Подкативший к горлу комок тошноты буквально вырвал меня из прохлады, накрывшей с головой, волны воспоминаний, и забросил в невыносимую духоту равнодушного сострадания. Боясь наблевать и осквернить тем самым память покойного, я поспешил покинуть спертый воздух, наполненный невыносимым жужжанием этих разодетых в черное мух.

На лестничной площадке курили, плевались, рассуждая о тяготах жизни, рассказывали бытовые истории из собственного опыта, напоминающие подвиги Геракла, общались, как это делают люди, встретившись в автобусе или на рынке. Стоя в уголке и смоля одну за другой сигареты, мне довелось узнать много нового о своих бывших одноклассниках. Кто-то женился, кто-то развелся, кто где работает, у кого какие проблемы и все такое. Пока я курил и пропускал через свои уши этот нелепый мусор, вдруг внизу на лестнице нарисовалась легко одетая, не взирая на мороз, пьяная девица. Она была без шапки, засаленные волосы цвета выгоревшей травы были растрепаны, из-под распахнутой курточки проступал обтянутый кожей и запакованный в грязную изрядно поношенную кофточку, скелет. Я не помню точно, что она говорила, то ли пела песню, то ли грязно ругалась, что в принципе характерно для пьяного, но в тот момент, когда ее худосочное тело появилось как неожиданно вскочивший на заднице прыщ, так сразу один из моих одноклассников поспешил ее увести, что называется, с глаз долой. Этот небольшой инцидент получил развитие уже на улице. Припав к окну, большая часть народа, находившаяся в подъезде, жадно ловила хлесткие удары, обрушивающиеся на девушку. Бой продолжался недолго, пьяный, изголодавшийся организм буквально после третьего или четвертого удара рухнул в сугроб. Победитель поднял поверженного противника, вытер снегом кровь с разбитого лица, отряхнул от снега, и они тихонько побрели и скрылись за углом дома.

– У них постоянно так, – сказал толстый тип в костюме и с галстуком, – он в армии был, ему сообщили, что она родила.

– Нагуляла что ли? – спросил кто-то из толпы.

– Да нет, когда его забирали, она уже была беременная. Не знаю, приезжал он на побывку или нет, только после получил письмо. Ему мать написала, что, мол, ребенок заболел, простыл или грипп, не знаю, ну а жена то бишь его проблядовала, вовремя врача не вызвала, ну и умер сынишка-то. Годик ему, что ли, был, не знаю. Ну и потом Серега вернулся да запил, а она у него, сразу после смерти сына, начала квасить. Сейчас вместе пьют, да трахаются с кем попало, она частенько домой мужиков водит, денег-то нет, а выпить хочется. Он ее частенько поколачивает, но и сам тоже баб таскает в дом, да и с мужиками часто заявляется, чего ржете, ясно что не для этого дела, сам напьется, отрубится, ну они ее, пока он дрыхнет, а она не сопротивляется, лишь бы наливали.

На кладбище было холодно, кто-то сказал, что не следует грустить, так как покойный при жизни был человеком веселым и по этому поводу нужно выпить за него. Весь вечер и большую

половину ночи мы пили, рассказывали анекдоты, делились неприкрытым цинизмом откровений. Боже мой, как все это грустно. Посмотришь на всю эту резиновую процессию и подумаешь: уж лучше пусть псы сожрут твоё брненное тело, нежели своей кончиной увеличить количество праздников, так любимых и почитаемых русским народом, коие он так любит смаковать. Так принято у нас: если торжество, то всюду царит мрачность и скука, а если похороны, то веселье и непринужденность в общении, и то и другое сопровождается обильным количеством спиртного, без этого нельзя. Жабы надувают пузыри во время брачных игрищ, для того, что бы привлечь партнера, русский человек – во время праздников, для того, что бы показать, насколько он значим во вселенной, населенной гуманоидами.

*Случай беспрецедентный в мировой практике.
Один мертвый человек вдруг увидел себя,
Совершенно случайно в зеркале и воскрес.
Не может быть, – скажите вы.
А я лишь посмеюсь над вами
И перестану мычать по утрам.*

Обрывки какого-то неясного мутного сна возникают в моем сознании. Песочная женщина с миндалевидными глазами предлагает мне близость. Я леплю из нее замок, сказочный готический собор, и проваливаюсь в него словно в огромную римскую клоаку. Но насколько долг мой полет под небесным сводом призрачной реальности, томительный всплеск секунд. Я просыпаюсь мокрый и липкий, как загнанная лошадь с мерзким налетом пошлости на зубах, простынь моя насквозь пропиталась развратом и возбуждением, а червяки в моем мозгу стонут от невыносимой жажды и недостатка алкоголя, обильно удобренного никотиновой смолой. Волна пустоты, безразличия и уныния накрывает меня с головой. А с головы в свою очередь лезут волосы, как пух с одуванчика в ветреную погоду. Я лысею, тупею, схожу с ума, я размышляю о смысле жизни и прихожу к выводу, что он заключен в некую целлофановую оболочку, внутри которой можно беспрепятственно совокупляться с песочными женщинами, либо разорвать ее, оболочку, и не совокупляться ни с кем. Затем мои мысли, попав в болотную топь, засасывает смрадная вонючая тряпина и они мчатся, отделившись от меня, к противоположному краю земли, к китам и черепахам, превращаясь в яйцо, в крупинку риса, в хаос, крошечный мрак, от них слегка отдает разложением и слизью. Я пытаюсь собрать их по крупинкам, но они, словно обезумев, со скоростью, превышающей скорость света, несутся, совершенно не желая останавливаться, и делаются невесомыми и совершенно неуловимыми. Я не знаю, как мне приостановить их неугомонную прыть, как ухватить хоть одну мыслишку за жабры, иначе, скользкие как рыбы, они лишь машут мне хвостом и исчезают в бурном водовороте моих мозговых нечистот. Немного полежав, уткнувшись головой в потолок, мне все-таки удалось извернуться и ухватить одну из этих ужасных бестий, летающих, как штормовой ветер в моей голове. Однако понять и проникнуть в ее утробу для меня представилось затруднительным.

«За окном, принимая грязевые ванны, потоками ручьев, растворивших в водах своих тонны дерьма, резвилась новорожденная красавица – весна. Должно быть, это благодатное время чудесно и притягательно, но не для меня. Десять тысяч иголок в разверстую плоть, апофеоз страданий. Весна – это прилетели голодные грачи, для того чтобы склевать мою печень. Дожидаться страданий и страдать каждой новой весной все труднее и труднее. Паршивому человечешке всегда трудно в любое время года, не говоря уж о весне, когда все радуются и веселятся, он не любит когда всем хорошо, когда всем хорошо, ему плохо. Такая уж у него натура. Весной, как известно, обостряются чувства, снег сходит и все дерьмо прет наружу, и человеку паршивому становится неудобно, он словно бы голый и нечем прикрыть ему свой стыд и срам, от этого и страдает. Это благодатное время для сумерек души, время, когда черви

в твоём мозгу активизируются и начинают поедать зачатки зелёных лепестков, твою надежду на спасение. Мрачные, как непроглядные чёрные дыры, грехи собираются в стаю и воют словно хор голодных, осиротелых волков. Смердные, пахнущие разложением мысли гонят изуродованную, многострадальную душу прочь от душного тела – сосуда греха и разврата – в мир иной. Убей себя, что бы избавиться от того, кого ты презираешь! Но все это лишь способ самобичевания. Никаких летальных исходов. Более того, все новые и новые грехи, все более и более изощренные в своей простоте. Это входит в привычку. Словно вдохнуть полной грудью свежего опьяняющего воздуха, а затем, покайся, выдохнуть через нос с полной моральной готовностью вновь насладиться обжигающей прелестью свежей прохлады. И в результате этих манипуляций аппендикс – совесть, как орган, некогда управлявший человеческими поступками, можно вырезать за ненадобностью его. Тогда зачем нужен выдох, к чему нелепые раскаяния содеянного, кто в замен совести возьмется управлять человечешкой? Страх. Это он пожрал совесть, он проник в каждую клеточку, поглотив чёрными дырами своей сущности млечные пути, галактики, мириады звезд космического небосвода души. И теперь страх повелевает человеком, определяет его поступки, даёт разрешение на вдох и выдох. Ищет каждый утопающий, за что ухватиться, оправдания своим поступкам каждый грешник, не покаяния, а оправдания. Покаяние для человека – это не очищение, а скорее затирание, размазывание четких линий, от того и получается грязь, грязь, которая делает из души помойное ведро. Какое покаяние, смысл этого слова давно растаял в воздухе, как никому не нужное облако-призрак. Покаяние, как и любовь – ископаемые динозавры. Так что покаяние – оправдание, любовь – совокупление.

Всю свою сознательную жизнь я только и делаю, что бегу, то от одного, то от другого. В конце концов осознаешь всю банальность, затасканность этой проблемы, этого кросса от самого себя, забега длиною в жизнь. Я никогда не думал, что моя жизнь будет такой, какова она сейчас. Я ощущаю себя тем зелёным школьником, молча взирающим на потолок, из соседней комнаты доносятся звуки телевизора, там мама и папа. А я не причастен ни к чему, я ограничен стенами, нет никого, только остро выраженное одиночество. Внутри тебя бездонный темный тоннель, а перед ним знак вопроса. Ответь, что, что ты хочешь, чего не хватает, почему дискомфорт, разьясни его природу? Нет ответа. Есть жуткое, тошнотворное ощущения пустоты, каждой клеткой. Носилки на дереве скорби.

Глава 4

К двадцати трем годам Ник уже слыл поэтом и писателем. Писал он в основном короткие рассказы и делал это на одном дыхании. Как только муза, гостившая у него, отправлялась на обед, так сразу молодой автор забрасывал свое произведение и уж больше к нему не возвращался, от чего бесконечно страдал.

– Послушай, Чех, – сказал Ник своему приятелю, когда они в очередной раз устроили вахический праздник. На этот раз торжество было приурочено к выходу совместного сборника стихов, в котором приняли участие шесть начинающих авторов. – Ты пробовал роман написать? Я всякий раз берусь, но все как-то не могу до конца довести. Усидчивости, что ли, не хватает, а может тему не могу ухватить, не знаю о чем писать. Правда, есть кой-какие наметки.

– Никитушка, лапушка, почитай стишки, – повиснув на нем, как кошка, стала упрашивать, изрядно подвыпившая миловидная блондинка с роскошной грудью, – про меня, ты же читал в прошлый раз.

Ник посмотрел на нее исподлобья слегка осоловелыми глазами, полными нескрываемой ненависти.

*– Была ли ты прекрасна?
Возможно и была.
В утробе своей мамы,
Что бросила тебя.
В сухих объятьях братца
Тщедушного козла
Или под телом пылким
Родимого отца,
Или когда учитель
Срывал с тебя трусы,
Потом, когда пятерки
В дом приносила ты.
А ныне твое тело
Давно уж ждет земля...
Дальше сама досочиняй.*

– Ты идиот, – пристыженная и оскорбленная, она покинула кухню и растворилась в безумстве происходящего, в комнате, где весь остальной народ бурно отмечал презентацию книги.

– Ты чего, Ник, что случилось?

– Не знаю, притомился. Ну, что скажешь по поводу романа?

– Послушай, на кой он тебе нужен? Куда ты с ним? Ну, напишешь, и что дальше? Печатать? – где бабки, к тому же, насколько я тебя знаю, ни детективов, ни фантастики ты не пишешь. Роман про любовь? Не смей меня. Чего тебе надо, ты пишешь рассказы, ну и пиши себе. Короткое, емкое произведение легче продается, быстрее пишется, ну и все что из этого вытекает.

– Да хрен бы с ней, с продажей, с рассказом, с книгой. Сейчас не напечатают, напечатают потом, потом не напечатают – да и хрен бы с ним. Пойми ты, важно то, что ты написал роман, испытать это чувство опустошения, радости, усталости и всего прочего. Вот в чем дело.

– Не знаю, куда-то тебя уносит. Давай-ка лучше выпьем.

Водка приятно обожгла их пищеводы и постепенно стала всасываться через желудок в кровь. Чех запил пивом и закурил сигарету.

– Ты знаешь, Ник, у меня несколько иной кайф. Я наслаждаюсь самим процессом. Меня прет, когда я пишу, а после завершения возникает пустота, которая слегка обламывает. И всегда после этого тянет просто нажраться, да трахнуть кого-нибудь. Вот такие дела. Кстати, ты не будешь возражать, если я Верочкой займусь, а то ты ее немного подобидел, глядишь приласкаю ее, успокою?

– Да, да. Иди в ванную, я скажу, чтобы не тревожили.

Чех удалился, а немного спустя его силуэт и изящное тело пышногрудой красавицы проследовали мимо кухни в ванную комнату.

– О, ванная комната, – произнес Ник, погружившись в хмельные мрачные думы своего безумия.

Занятия онанизмом с собственными мозгами вряд ли помогут на пути в поисках истины.

Ник налил еще полрюмки и выпил залпом.

За окном брезжил рассвет, стирая своей призрачной резинкой черноту ночи.

– Мне двадцать пять лет, – произнес Ник в пустоту гнетущего одиночества кухни, – и что из этого следует? Ничего. Нет работы, денег, жены, семьи, любви, ничего нет. Все же нельзя так пессимистически, что-то ведь в конце концов должно быть? Да, должно. И даже более того, пожалуй, что есть – пустота и тошнотворное одиночество, большой желудок, страх перед будущим и прошлым, ненависть к себе и людям, и желание. Да вы, батенька, при всем негативизме оценок не перестаете оставаться оптимистом. Желание – это явно эрос. Не знаю, не знаю. Желание может проявляться и в несколько ином ключе, например, как стремление к танатосу. Где же здесь зарыт оптимизм? Как же где – желание и стремление. Не думаю, что желание и стремление смерти так уж оптимистично выглядит, да и само желание и стремление, как некие душевные позывы, мне кажется, не показатель полярности человеческой природы. А что же тогда показатель? Я думаю, что отношение к жизни.

Ник взял со стола нож с коротким и острым лезвием и спокойно, с небольшим нажимом, словно мелом по асфальту, прочертил прямую, бесконечную линию на руке, чуть ниже сгиба локтя.

Плоть расступилась под холодным равнодушием стали, предоставляя разгоряченному алкоголем организму расплескать свою живительную влагу.

– Ха-ха-ха, как приятно по утру отыметь себя в саду.

Ник зажал кровоточащую рану рукой и двинулся в ванную. Он распахнул дверь, и не обременяя себя благочестием, бесцеремонно вошел внутрь, не обращая никакого внимания на совокупающихся. Верка взвизгнула, скорее от испуга, что кто-то вошел, нежели от вида крови на руке Ника.

– Занимайтесь, занимайтесь, – пьяным голосом произнес хозяин квартиры.

Два голых тела, соединенные по принципу «гнездо – джек», недоуменно взирали на молодого писателя.

Ник открыл кран и предоставил струе холодной воды зализывать кровоточащую рану.

– Просто иногда человеку необходимо избавиться от дурной крови, – уставившись в свое отражение, произнес Ник, – кто-то бьет друг дружке морды, кто-то прокалывает себе соски, члены, носы. А чего, раньше даже лечили кровопусканием. Женщинам и того проще, они избавляются от этого недуга регулярно, так ведь, Вер, не будь у вас менструаций, последствия могли бы быть крайне плачевными, а так вы должны благодарить бога за этот дар. Что скажешь, Вера?

Ник повернул голову и не без любопытства пробежался глазами по ничего непонимающим, застывшим от удивления и страха, обнаженным телам.

– Закатать бы вас в бронзу, – придавая своим словам задумчивость и томность произнес он. – Ну что вы, все в порядке, продолжайте, – сказал Ник, как бы извиняясь, при этом положив свою руку на остывающую ягодицу приятеля, слегка подтолкнул ее несколько раз. Чех словно послушная неваляшка принялся тихонько двигаться. Вера, стоя раком, опершись руками о стену ванной, тупо смотрела на струю воды, ниспадающую на сырое человеческое мясо, выделяющее кровь. То ли от большого количества спиртного, находившегося на тот момент в организме девушки, то ли от шокирующего вида картины, стоящей перед глазами, ее вырвало.

– Ну, ну, ну, ничего, это бывает, ничего, Вер, все бывает, – сочувственно произнес Ник, набирая в ладонь воду и смывая блевотину с лица девушки. – Расслабьтесь, что вы, в самом деле, как дети малые, ей богу.

Ник молча мочил обезображенную резанной раной руку. Казалось, он впал в протрацию, уснул или, хуже того, умер. Просто стоял, стоял и так, стоя, и умер. Молодые люди как бы по инерции продолжали заниматься совокуплением, но это занятие в данный момент явно не приносило им никакого удовлетворения.

– Он чего, уснул? – шепотом спросила Вера.

– Откуда я знаю. Ник, ты в порядке?

Юноша помотал головой.

– Я думаю, думаю Чех. Скажи, ты смог бы убить человека?

– Не знаю, смотря как и за что.

– Да просто так, ни за что, горло перерезать, вот Верке хотя бы.

– Перестаньте, перестаньте, – готовая провалиться в истерический обморок, умоляюще произнесла Вера, – вы можете нормально разговаривать? Если вы не прекратите, я либо заорю, либо сблую опять.

– Ну, ладно, Вер, ты же не за обеденным столом сидишь, в конце то концов, а трахаешься в ванной, и при том, что тебя окружает в данный момент цвет русской современной литературной мысли. Писатель и поэт, Вера, творит не только пером или ручкой, он творит прежде всего мозгами, и тут никакие обстоятельства не могут ему помешать, потому что, Вера, он творит всегда, даже во сне, не говоря уже о данной сложившейся ситуации. Так что в данный момент, Вера, ты удостоилась чести наблюдать этот самый творческий процесс. Ладно, оставлю вас, не буду мешать.

Ник достал из шкафчика йод и вату, по краям обработал рану, затем взял бинт и вышел из ванной, прикрыв за собой дверь.

Когда Чех с Верой вернулись на кухню, их радушно встретил Ник с тугой повязкой на руке.

– Ну что, все хорошо? – прищурившись, улыбнулся он.

– Нормально, – сухо произнес Чех, явно недовольный произошедшим, – наливай, что ли. Юноши залпом опустошили наполненные рюмки, запили пивом и закурили.

– Хорошо пошла, – сказал расслабившийся после изнурительной процедуры совокупления Чех.

Вера все сидела с наполненной рюмкой никак не решаясь выпить.

– Ты чего, Вера, стесняешься или брезгуешь?

– Вы идиоты, нельзя водку запивать пивом, это вредно.

Ребята улыбнулись.

– А чем можно? – спросил Чех.

– Водой.

– Очень даже полезно, – съязвил Ник. Он взял со стола пустой стакан и наполнил его водой из-под крана. – Прошу, мадам, запить целебной водичкой, с оздоровительными свой-

ствами коей, по всей видимости, мадам уже имела честь ознакомиться. Да, кстати, Вер, ты гонорею так не пробовала лечить?

– Пошел ты.

Девушка лишь махнула рукой и заглотила содержимое рюмки.

– Идите вы, – переведя дух, сказала она. – Дайте сигарету даме.

Чех протянул ей открытую пачку.

– Ты поешь чего-нибудь, а то совсем свалишься, – сказал заботливый Чех.

– Говна, что ли, поесть, в этом доме и говна не найдешь. Поешь... Поела бы, если было.

– А че тебе еще надо? – возмутился обиженный хозяин дома. – Вот капусту жри, огурцы соленые, вот хлеб.

– Ага, чтобы потом опять блевать вашими солеными огурцами, – она взяла с тарелки сиротливо лежащий огурец и надкусила его.

Вера слегка угомонилась, похрумывая огурцом, приятно ощущая, как некое блаженство растекается по ее кровотоку, обволакивая негой все члены организма, стучась в мозг.

– Ты мне так и не ответил, убил бы ты или нет? – вновь спросил Ник.

– Нет, – произнес Чех.

– А если, предположим, у него никого нет, ни родных, ни близких, совершенно одинокий человек, к примеру, бомж.

– Думаю, что все рано бы не отважился, да и зачем, собственно, мне его убивать?

– А я бы, наверное, смог, – задумчиво пробормотал Ник.

Они молча курили, думая каждый о своем.

– Послушай, Чех, – разорвал, словно ситцевую материю, молчаливую тяжесть минут Ник, – возвращаясь к разговору, убить бомжа, понятное дело, особого труда не составляет, это мне представляется даже неким одолжением со стороны убийцы по отношению к деградировавшему млекопитающему. Но, это же самое убийство приобретает совсем другое звучание, когда, – Ник прищурился, его глаза заблестели, а губы искривились гаденькой усмешкой, – бывший бомж, просящий у неба о смерти, благодаря тебе стал отличать аромат розы от запаха нечистот. Когда он вместо корки черствого хлеба попросит бутерброд с икрой, когда он устыдится грязи под своими ногтями, когда он вновь вдохнет полной грудью давно забытые прелести этого мира, он уже не будет тем, кем был, оставаясь для всего общества бомжом. И вот тогда его судьба в твою ладонь протянет меч. Что думаешь?

– Я думаю, что ты, как бы это лучше выразиться, слегка не в себе, – сказал изрядно загрустивший юноша, – ты из этих бредней хочешь сострять роман?

– Не знаю, что-то зреет во мне, пока не знаю, что.

– Никитушка, – встряла в разговор изрядно захмелевшая Вера, – ты точно рехнулся на фоне своей литературы. Я тебе скажу, что нужно делать.

– Для чего, Вера?

– Для того, чтобы поправить крышу. Во-первых – устроиться на работу, но так, чтобы труд был физический. Во-вторых – найти бабу, для, хотя бы, трехразового в неделю совокупления. И подобные мысли пройдут сами собой, да, да.

– Насчет работы я подумаю, а вот по поводу бабы, может ты, Вера, расстараться для меня, хотя два раза в неделю, а?

– Извини, не могу, так как больше жизни люблю товарища Чехова.

– Антона Падловича?

– Нет, почему, вот этого Падловича.

– И давно ли? – разливая по рюмкам водку, спросил Чех.

– С сегодняшней ночи.

На кухню потихоньку стал подтягиваться развеселенный танцами и водкой народ.

– Ник, это чего у тебя, а чего кровь на полу?

– Вы чего, ребята, тут делали?

– Успокойтесь, все в порядке. Безумную оргию в стиле императора Веспасиана объявляю закрытой. Кто в состоянии, прошу покинуть стены моего вакхического храма. Все иные могут остаться, но при одном условии – не докапываться до меня с разными вопросами по поводу и без. Совещание объявляю закрытым.

Несколько человек, обремененных домашними проблемами, покинули стены холостяцкой квартиры молодого поэта, мечтающего написать роман, кто-то уединился в ванной, все остальные принялись допивать оставшуюся водку и мирно беседовать о всевозможной ерунде, о Вийоне и Платоне, об электровибраторах и анальных внедрителях, о черных дырах и волосатых грудях.

Над городом, продираясь сквозь бархат ночи, вставало солнце, растворяя лунную мантию в прозрачности неба.

Глава 5

Дверь открылась и в квартиру вошло невысокое существо, не имеющее возраста, источающее едкую вонь. Оно обладало женскими половыми признаками, неряшливо спрятанными под лопающимися от грязи лохмотьями, с синим и потресканным от ссадин и синяков вечно пьяным лицом и чудовищным образом запутанной, годами не мытой и не чесанной конской гривой. Следом за ней вошел хозяин квартиры, закрыв за собой дверь.

– Ты скинь все тут у порога, – сказал он негромко, снимая обувь.

– С какой это стати? – огрызнулась бомжиха.

– А с такой, – повысив голос произнес Ник, – чтобы аромат, который ты источаешь, не проглотил, словно кошка мышку, и без того скудные запасы кислорода моего жилища. Пока ты раздеваешься, я наберу воду в ванну, отпарись, отмоешься, а уж тогда и выпьем и поговорим. Не волнуйся, одежду я тебе дам.

Ник оставил гостью у порога, а сам напрямик отправился в совмещенный санузел, для заполнения жидкостью моечного сосуда, именуемого ванной.

После процедуры очищения водой в сочетании с моющими средствами существо приобрело довольно сносный женский вид. Конечно, в этом истрепанном и потасканном теле сложно было найти сходство с обнаженной Махой, однако, здесь присутствовало все, на что можно было взглянуть не без вожделения. Небольшие коричневатые сморщенные кружочки с торчащими, как гвозди из забора, сосками на припухлых, слегка обвислых грудях, плоский, словно асфальтовая дорога, живот, заканчивающийся небрежно выбритым лобком, пышная и на вид упругая задница со следами насилия и две стройные, покрытые язвами и коростами, ножки. Все это в полной красе предстало пред ясны очи молодого писателя, хозяйничавшего на кухне.

– Вот одежда, надень, – Ник указал рукой на табурет, где лежали новая белая футболка и старенькие, потертые, но чистые джинсы.

– А где мои шмотки? – рассматривая предложенную одежду, спросила женщина, ничуть не стесняясь своей наготы.

– Я их выкинул.

– Куда?

– Куда? В мусоропровод. Вообще-то, нужно было бы их сжечь и в землю закопать, как яда содержащие отходы, ну да ладно, так, глядишь, может быть, крысы потравятся немного.

Женщина молча надела предложенные Ником вещи и села за стол.

– Значит, ты писатель?

– Да как тебе сказать, еще не вполне.

– Это как?

– Вот, так. Не знаю, как это лучше объяснить. Видишь ли, я, конечно, пишу всякую там лабудень, но этого недостаточно, контора тоже пишет.

– А чего еще нужно?

– Да хрен его знает. Давай, что ли, выпьем?

Ник достал из холодильника бутылку портвейна и разлил ее содержимое по стаканам.

– За знакомство!

Звякнули два граненых стакана, возвещая о начале новой жизненной ипостаси для находящихся в этой кухне. Холодная жидкость приятно пощекотала стенки пищевода и улеглась на дне желудка теплым пушистым комочком.

– А курить у тебя есть?

Ник достал из кармана пачку сигарет и угостил гостью, после чего сам достал сигаретку и с наслаждением закурил. В воздухе повисла неловкая пауза. Женщина, докурив сигарету, пристально взглянула на хозяина квартиры.

– Послушай, какого хрена ты притащил меня сюда и поишь? Хочешь трахнуть? Так трахай.

– Нет.

– Ты импотент?

– Нет. Я просто думаю, не стоит начинать с этого наше знакомство.

– Начинать? Знакомство? Я не понимаю, может ты извращенец какой? Притащил в дом, отмыл, напоил. Че тебе надо?

Ник разлил по стаканам остатки портвейна и хриплым голосом произнес:

– Мне нужна, фигурально выражаясь, твоя жизнь. Я хочу ей наполнить, как вином эти стаканы, свой роман. Все, что от тебя требуется – полная и чистосердечная исповедь.

– Ты че, поп, что б тебе исповедовалась?

– На тот момент, пока ты живешь у меня, я и поп и прокурор и все прочее. Послушай, мы с тобой заключаем сделку на обоюдно выгодных условиях. С твоей стороны требуется поведать о своем жизненном пути, но при этом мне не нужны сухие факты твоей биографии – родилась там-то, жила с тем-то, нет, все в подробностях до сегодняшнего дня. Не сухая хронологическая таблица определяет человека, а его поступки, взгляды на жизнь, восприятие этого мира через призму его собственных кишков. Только так можно составить характеристику тому или иному человеку и попытаться понять, кто же он на самом деле. Хотя, конечно, и это эфемерно. Ну да ладно. Я в свою очередь гарантирую тебе крышу над головой, полный пансион, уют и комфорт, хлеб и вино. Как ты на это смотришь?

– Честно говоря, я ни хрена не поняла, но если здесь меня будут халявно поить и кормить, то почему бы и нет.

– Однако, есть небольшое условие. Ты должна будешь оставаться здесь, пока я не закончу роман.

– Мне некуда идти, но вино и сигареты должны быть каждый день – выдвинула она свое требование в обмен на свободу.

– Не волнуйся, все будет. Итак, контракт подписан. Что ж, спрыснем его портвешком.

Они выпили разлитую по стаканам жидкость, и Ник достал еще две бутылки, наполненные тем же хмельным напитком.

– Ну, теперь бы нам уж пора и познакомиться.

– Че, прямо здесь, на кухне?

Ник усмехнулся.

– Да нет, я о другом, если мы вместе будем жить, мне хотелось бы знать, как тебя зовут.

– Кто как, – произнесла захмелевшая женщина, – одни сукой подзаборной, другие потаскухой.

– Забавно.

– А мне, веришь ли, совершенно по уху, лишь бы наливали потолще. По первости, как только бродяжить начала, с бухлом проблем не было. Я так-то девка в теле была, красивая, сейчас не смотри, поизносились малость. Ну так вот, нальют мне водочки либо ширнут, да и приходят себе, а чего вашему брату мужику еще надо от молодой бабы. А потом форму-то потеряла и все, то ли нальют, а то ли морду набьют, вот так-то.

– Очень грустная история, в самый раз для романа. Драма «Меня дерут, а я крепчаю», – в своей привычной манере съязвил Ник.

Женщина зло сверкнула глазами, что-то звериное было в этом взгляде. Ник осекся и отвел глаза. Дурное предчувствие холодком пробежало по его спине. Он вдруг на мгновение почувствовал себя в роли кролика, а не удава. Женщина с нескрываемой злобой пристально смотрела на хозяина квартиры. В воздухе стоял тяжелый запах надвигающегося конфликта, который грозил непредсказуемыми последствиями, что на начальном этапе знакомства явно не входило в планы молодого писателя. Ник, пытаясь сохранять спокойствие духа, вооружился

холодным оружием, беззаботно лежащим на столе и привычным движением без труда открыл третью по счету бутылку портвейна, после чего, дабы обезопасить себя, убрал нож в стол.

– Ты боишься, что я тебя зарежу? – желчно бросила ему в лицо, словно комок снега, женщина.

– Да, нет, просто не люблю, когда нож лежит на столе.

– А ты бойся. Я – никто, и терять мне нечего, уснешь ночью, а я тебя и распишу, как бог черепаху, квартирка у тебя неплохая, поживу сколько-то, а потом, если посадят вдруг, ну, если, конечно, до тебя есть кому дело, то, глядишь, в тюрьму пойду, все не на улице бичивать, там хоть худо-бедно да кормят.

Она произнесла это так, что могло показаться не больше чем бредом пьяной бомжихи. Однако внутри хозяина квартиры что-то дрогнуло и мутная волна страха накрыла его с головой. Он стал осознавать, какую опасность таит в себе эта потрепанная говорящая игрушка, выброшенная кем-то на улицу. Ситуация накалялась, Ник понял, что это проверка на вшивость, однако же понял и то, что уступи он сейчас, потом она и впрямь перегрызет ему глотку. Юноша поднял голову и буквально впился глазами в холодный, наполненный нечеловеческой злобой взгляд волчьих глаз. Небольшая, уютная кухня в тот же миг превратилась в стальную звериную клетку, где происходила напряженная борьба, бой без правил, сражение, от которого зависело, кто из двух особей станет человеком, а кто приобретет статус ручного зверька. И в этом бескомпромиссном поединке ситуация складывалась далеко не в пользу хозяина квартиры. Ник почувствовал, как с каждой секундой редеют его войска, готовые обратиться в бегство. Ему ничего не оставалось, как пустить в ход тяжелую артиллерию.

– Уясни себе одну простую вещь: здесь я хозяин, – прогремело пушечным залпом, разрывая в клочья тишину и стремительную атаку противника. – Если тебя что-то не устраивает, можешь уматывать, если нет – то помалкивай.

Женщина отвела глаза, тем самым дав понять, что как бы подчинилась воле хозяина, но как и каждый раб, она лишь затаила злобу и запаслась надеждой.

– Еще раз, – произнес Ник, пытаясь сгладить напряженность беседы. – Не думаю, что стоит с этого начинать. Еще раз повторяю, что хозяин в этой квартире – Я, и здесь действуют только мои законы, и ничьи иные. Прости, если обидел, мне просто хотелось знать, как к тебе обращаться. Не думаю, что тебе понравится, если я буду называть тебя так же, как звали твои приятели.

– Они мне не приятели, – сухо произнесла заметно захмелевшая бомжиха и вновь закурила, – ты можешь называть меня Евой.

– Как? – удивленно, пытаясь подавить в себе волну саркастического смеха, спросил Ник.

– Евой, – как бы в пустоту сказала она, освобождая отяжелевшие дымом легкие.

Ник достал еще две бутылки, и они принялись пить, пить молча, как на днях рождения.

Утро не было мрачным, оно лилось, как Зальцбургская симфония Моцарта, хотя за окном было довольно уныло, накрапывал дождик. Медузы в голове Евы, как ни странно, совершенно не принуждали ее хвататься за виски руками, сдерживая их безумие, нередко выливающееся в истерическую агонию. Общее состояние организма не было ипохондриальным, отсутствие мыслей давало широту разгула чувствам, захлестнувшим волной прозрачных, как дуновение ветерка, божественных мелодий, обнаженное тело девушки. Она лежала, не решаясь открыть глаза, ей снова было двадцать лет, пустота пахла счастьем, беспечностью и пушистым запахом травы. Ева вздрогнула и резким движением руки смахнула со своих припухлых губ толстого рыжего таракана, раздавленного вчера вечером. Ева открыла глаза и резко отпрыгнула в сторону. Не менее испуганное насекомое шмыгнуло под плинтус и растворилось в серости стены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.